

А.П. ЧЕХОВ И ИМЯ

© 2005 Г.Ф. Ковалев

Воронежский государственный университет

Тексты А. П. Чехова многократно подвергались исследованиям как литературоведов, так и лингвистов. Повезло и ономастике творений А. П. Чехова. Правда, в основном изучались антропонимия (Л. И. Колоколова, М. В. Карпенко) и зоонимия (В. И. Супрун и др.). Одна из последних работ по лексикографии антропонимии — словарь персонажей А. П. Чехова, подготовленный М. Ткаченко (Все герои А. П. Чехова — вся Россия. М., 2004). Воронежская же ономастическая школа в большей степени обращает внимание на такой аспект ономастики писателя, как его собственное восприятие имени.

Брат писателя Михаил вспоминал: “То, что мои прадед и дед носили у себя в Ольховатке прозвище “Чехи”, а не Чеховы, и то, что они алчно стремились к свободе, заставило моего дядю-романтика Митрофана Егоровича верить в следующую выдумку, которой он неоднократно делился со мной.

— Несомненно, что наш предок был чех, родом из Богемии, бежавший вследствие религиозных притеснений в Россию” [1, 31]. “С этим легендарным предположением дядя Митрофан и умер, а мы, его племянники, только улыбались, так как к нашим услугам имелась еще и другая, более документальная версия: Царь-пушку, находящуюся в Кремле в Москве, отлил в 1586 году литейный мастер Андрей Чехов. Но значило ли это, что наши предки происходили от него?” [1, 32]. Сам А. П. Чехов с гордостью писал переводчику Б. Прусику 27 мая 1897 г.: “Мою краткую биографию можно найти в Чешском энциклопедическом словаре” [2, VI; 367]. И действительно, А. П. Чехов еще при жизни был популярен в Чехии [3, 124-132].

Однако И. А. Бунин, обращаясь к генеалогии А. П. Чехова, предположил, что правильный вариант фамилии — Чоховы: “Может быть, вот почему в семье Чеховых называли их двоюродного брата Михаила Михайловича Чехова — Чоховым. Возможно, что так и произносилась ког-

да-то их фамилия” [4, 243-244]. И действительно, в письме А. П. Чехова М. М. Чехову от 29 июля 1877 г. встречаем подтверждение словам Бунина: “Дай бог, <...> чтобы все свадьбы проходили бы еще блистательней этой свадьбы, которая доставила много радости всему нашему мудрому Чоховскому поколению. Спасибо Екатерине Михайловне, она положила начало... и вот не сегодня, так завтра, бог даст, я буду гулять на свадьбе и у Миши Чохова и т. д.” [2, I; 24-25].

Тот же И. А. Бунин припоминал о А. П. Чехове, как тот болезненно относился к реноме своего писательского имени: “Однажды, читая газеты, он поднял лицо и, не спеша, без интонаций, сказал:

— Все время так: Короленко и Чехов, Потапенко и Чехов, Горький и Чехов...” [5, 266].

Об отношении А. П. Чехова к своему имени говорит отрывок из его письма к брату Александру, отношение это проскальзывает сквозь характерную чеховскую иронию: “За наречение сына твоего Антонием посылаю тебе презрительную улыбку. Какая смелость! Ты бы еще назвал его Шекспиром! Ведь на этом свете есть только два Антона: я и Рубинштейн. Других я не признаю... Кстати: что если со временем твой Антон Чехов, учинив буйство в трактире, будет пропечатан в газетах? Не пострадает ли от этого мое реноме?..” [2, I; 193].

А. П. Чехов сделал выговор своему брату Александру: “Не позволяй в мелочах подписывать твое полное имя. “Тема Ал. Чехова”. К чему это? Осрамиться хочешь?” (2, I; 283).

Характерно и другое наставление тому же брату: “Далее: не употребляй в рассказах фамилий и имен своих знакомых. Это некрасиво: фамильярно, да и того... знакомые теряют уважение к печатному слову...” [2, I; 177]. Оно было дано в связи с действительными ономастическими злоупотреблениями Александра в рассказе “Визиты”. Таким же было мнение А. П. Чехова и по поводу произведений Б. М. Маркевича:

“Б. Маркевич в своих произведениях изображает только своих близких знакомых, — признак писателя, не видящего дальше своего носа” (“Осколки”, 1884, № 7, 18 февр.) Ср. также, что писал А. П. Чехов Н. А. Лейкину о планах пародии на пьесу Б. М. Маркевича “Чад жизни”: “Чад жизни” писан в граде Воскресенске в минувшее лето, почти на моих глазах. Знаю я и автора, и его друзей, которых он нещадно третирует своей сплетней в “Безднах” и “Переломках”... Ашанин (бывший директор театра Бегичев), Вячеславцев (бывший певец Владиславлев) и многие другие знакомы со мной семейно... Можно будет посплетничать, скрывшись под псевдонимом” [2, I; 100].

А. П. Чехов полагал невозможность употребления имен живущих людей в художественном произведении: “Да и кажется мне, что имена живых могут украшать лишь газетные и журнальные статьи, но не повести. Имена подвержены неумолимому закону моды” [2, V; 89]. В ответе А. С. Суворину, поверившему Д. В. Григоровичу, что в пьесе А. П. Чехова “Леший” выведен он, Суворин, автор писал: “Не радуйтесь, что Вы попали в мою пьесу. Рано пташечка запела. Ваша очередь еще впереди. Коли буду жив, опишу феодосийские ночи, которые мы вместе проводили в разговорах, и ту рыбную ловлю, когда Вы шагали по палям линтваревской мельницы, — больше мне от Вас пока ничего не нужно. В пьесе же Вас нет да и не может быть, хотя Григорович со свойственной ему проницательностью и видит противное. В пьесе идет речь о человеке нудном, себялюбивом, деревенском, читавшем об искусстве 25 лет и ничего не понимавшем в нем; о человеке, наводящем на всех уныние и скуку, не допускающем смеха и музыки и проч. и проч. и при всем том необыкновенно счастливым. Не верьте Вы, бога ради, всем этим господам, ищущим во всем прежде всего худа, меряющим всех на аршин и приписывающим другим свои личные лисьи и барсучьи черты” [2, III; 265].

О своих персонажах повести “Дуэль” Чехов отозвался так: “Если фамилия у Ладзиевского в самом деле скверная, то можно его назвать иначе. Пусть будет Лагиевским. Фон Корен пусть останется фон Кореном. Изобилие Вагнеров, Брандты, Фаусеки и проч. отрицают русское имя в зоологии, хотя все они русские. Впрочем, есть Ковалевский. Кстати сказать, русская жизнь теперь так перепуталась, что всякие фамилии годятся” [2, IV; 266].

А. П. Чехов остро воспринимал проблему выбора названия его книги, озаглавленной затем “Пестрые рассказы”: “А какое название мы дадим книге? Я перебирал всю ботанику, зооло-

гию, все стихии и страсти, но ничего подходящего не нашел. Придумал только два названия: “Рассказы А. Чехонте” и “Мелочь”. Буду писать И. Грэку. Пусть он придумает” [2, I; 187-188].

“Между прочим, — писал А. П. Чехов В. В. Билибину, — выдумывал я с ним (поэтом Л. И. Пальминым. — Г. К.) название для моей книжки. Долго мы ломали мозги, но кроме “Кошки и караси” да “Цветы и собаки” ничего не придумали. Я хотел было остановиться на заглавии “Покупайте книгу, а то по морде!” или “Пожалуйста, что покупаете?», но поэт, подумав, нашел это избитым и шаблонным... Не придумаете ли Вы название? Что касается меня, то, по моему мнению, все эти названия, имеющие (грамматически) собирательный смысл, очень трактирны... Я бы предпочел то, что хочет и Лейкин, а именно: “А. Чехонте. Рассказы и очерки” — больше ничего... хотя такие заглавия к лицу только известностям, но не таким... как я... Годилось бы и “Пестрые рассказы”... Вот Вам два названия... Выберите из них одно и сообщите Лейкину” [2, I; 189-190].

И в письме к Н. А. Лейкину от 3 февр. 1886 г. он уже уверенно писал: “1) На книге я буду не А. П. Чехов, а А. Чехонте. 2) Как титуловать? Я выдумывал название для книги купно с Пальминым и ничего не придумал. Остановился я на:

“Пестрые рассказы”

А. Чехонте.

Очерки, рассказы, наброски и проч.

Если это заглавие не годится, то пусть идет Ваше, т. е. “А. Чехонте. Рассказы и очерки”. Выбрав одно из двух купно с И. Грэком, которому я послал прошение, поторопитесь уведомить, дабы не задерживать виньетиста” [2, I; 191-192].

Вот какие варианты названия предлагал А. П. Чехов А. С. Суворину для названия журнала: “Между прочим, мне кажется теперь, что название “Чайка” не годится. Блеск, Поле, Молния, Сундук, Штопор, Панталоны... это не годится. Назовем так: Зима. Можно и Лето. Можно Месяц. А не назвать ли просто Двенадцать?” [2, V; 163].

О кропотливой работе А. П. Чехова над названием произведения говорят его предложения (с его же комментариями) к рассказу, опубликованному потом под названием “Рассказ неизвестного человека”: “Рассказ моего пациента” — не годится безусловно: пахнет больницей. “Лакей” — тоже не годится: не отвечает содержанию и грубо. Что же придумать?

1) В Петербурге.

2) Рассказ моего знакомого.

Первое — скучно, а второе — как будто длин-

но. Можно просто “Рассказ знакомого”. Но дальше:

- 3) В восьмидесятые годы.
- 4) Это претенциозно.
- 5) Без заглавия.
- 6) Повесть без названия.
- 6) Рассказ неизвестного человека.

Последнее, кажется, подходит. Хотите? Если хотите, то ладно” [2, V; 168]. Характерны ономастические поправки, предложенные А. П. Чеховым для рассказа А. Дарова “Хорошая книжка” (напечатанного затем под названием “Горячее сердце”): “Изменения, по моему мнению, должны заключаться в следующем: 1) Не годится название; вся суть не в хорошей книжке, а в хорошей восприимчивой душе, на которую подействовала книжка. <...> 2) уменьшительные имена Петя, Проша, Сеня заменить во всех случаях именем и отчеством — этак солиднее...” [2, V; 234].

В письме Е. М. Шавровой-Юст (19 янв. 1898 г.) он заметил относительно названия ее рассказа: “В заглавии “Идеал” слышится что-то мармеладное. Во всяком случае это не русское слово и в заглавии не годится. Перед тем, как посылать в “Ниву” рассказ, сообщите мне название этого рассказа, и я тотчас же напишу в “Ниву” [2, VII; 155].

А. П. Чехов очень заботился об ономастических точностях в своих произведениях. Н. А. Лейкину он писал: “Благоволите в рассказе “Павлин” в пробелах написать имена соответствующих петербургских увеселительных мест, которых я не знаю и назвал чрез N и Z.” [2, I; 151]. В связи с этим Н. А. Лейкин подставил в рассказ “Павлин в вороньих перьях” названия ресторана “Аркадия” и Крестовского сада, которые и вошли в окончательный текст рассказа А. П. Чехова.

О том, что А. П. Чехов тщательно подбирал имена своих героев, свидетельствует отрывок из его письма к М. П. Чеховой (6 июня 1902 г.): “Отопри мой стол, и если в передней части ящика найдется осьмушка бумаги (или 1/2 листа почтовой бумаги) исписанной мелко для будущей пьесы, то пришли ее мне в письме. На этом листке записано, между прочим, много фамилий” [2, X; 241].

В письме А. С. Суворину (23 янв. 1900 г.) по поводу его пьесы “Героиня”: “Фамилии “Ратишев” и “Муратов” слишком пьесочны, не просты. Дайте Ратишеву малороссийскую фамилию — для разнообразия” [2, IX; 23].

С. А. Найденову (Алексееву) Чехов посоветовал для его пьесы “Богатый человек” (первый вариант — “Деньги”): “... я бы из Купоросова сделал только хорошего человека, чтобы жалко его

было (когда он, например, в костюме Фауста), я изменил бы ему фамилию...” [2, XI; 244].

В письме В. А. Гольцу (27 янв. 1900 г.): “Вопль” Крестовской хорошая вещь; всё хорошо, кроме названия. Вещь в стиле толстовского “Семейного счастья”, в манере попахивает старинкой — и так всё в ней деликатно и умненько” [2, IX; 29].

Тяжелое восприятие рассказа В. С. Баранцевича “Свадьба” А. П. Чехов выразил через отношение к главному его персонажу: “Вместо легкого жанра, вместо шаржа, карикатуры видишь тяжеловесный рассказище Баранцевича (Чугунчиков — жутко даже!)” [2, I; 99].

Чехов свободно обращался со своим именем. Поэтому покаламбурить своим именем для него было, в отличие от Пушкина или Цветаевой, делом обычным. Писатель так пошутил о роли Гаева для А. Л. Вишневого: “Я написал для него роль, только боюсь, что после Антония эта роль, сделанная Антоном, покажется ему неизящной, угловатой. Впрочем, играть он будет аристократа” [2, XI; 271]. Своему брату Ивану он подписал книгу “Пестрые рассказы” так: “Протоучителю Иоанну Павловичу Чеховенскому” [2, XII; 146]. Правда, *себе* он подписал такую же книгу и в тот же день с самоиздевкой, но вполне прилично: “Уважаемому Антону Павловичу Чехову от автора” [2, XII; 146]. Однако на фотографии, подаренной А. М. Шавровой, он расписался: “От Сколопендрского” [2, XII; 184].

Когда А. П. Чехов собирался в свой последний вояж в Европу, он предполагал, что в адресе к нему будет использована принятая в романском мире форма, учитывающая фонетическое написание: “Адрес: Германия, Badenweiler, Herrn Anton Tschekhoff” [2, XII; 111]. Однако в Германии ему пришлось изменить транскрипцию:

Мой адрес:
Германия, Badenweiler.
Herrn Anton Tschekchow.

Так мою фамилию печатают здесь на моих книжках, стало быть, и я так должен писать ее” [2, XII; 115].

Особый случай — юмористические подписи-имена А. П. Чехова. Вот, например, подпись писателя под письмом к любимой им Лике Мизиновой (15 июня 1897 г.): “Ваш Кушеткер” [2, VII; 15]. Комментаторы полагают, что здесь “Чехов пародирует фамилию знакомого Мизиновой режиссера В. П. Шкафера” (2, VII; 404). В письме той же Л. С. Мизиновой через десять дней он подписывается уже “Ваш Повсекакий Бумажер” [2, VII; 23]. Открытка брату Александру тоже подписана на манер идиш “Твой А. Брудер” [2, VII; 29]. Однако нужно обратить внимание на то, что одновременно с первым письмом Чехов напра-

вил еще открытку в Ялту своей сестре Маше. А на обороте зафиксирован дом, где сестра в это время отдыхала: “Дача Витмер” [2, VII; 15]. Думается, что это название тоже повлияло на форму подписей.

Да и имена друзей и знакомых легко обращались у писателя в шутку. Например, виолончелисту Большого театра Мариану Ромуальдовичу Семашко он подписал книгу “Пестрые рассказы”: “Мармелладу Фортепяновичу Семашко от любящего его почитателя А. Чехов” [2, XII; 147]. А актеру П. М. Свободину: “Павлу Матвеевичу Свободину (Полю Матиас) от преданного ему автора. А. Чехов” [2, XII; 163]. Ту же Лику Мизинову он наделяет “армянской” фамилией, как, впрочем, и себя самого, поскольку в это время Лика проживала в доме владельца с армянской фамилией: “Лидии Стахивне Тер-Мизиновой, живущей в доме армянина Джанумова, от автора Тер-Чехианца – на память об именинном пироге, которого он не ел” [2, XI; 159].

И. А. Бунин, отчасти из-за нелюбви к А. М. Горькому (а вовсе не из любви к А. П. Чехову), очень возмущался тем, что МХАТ назвали именем А. М. Горького: “Впрочем, Художественный театр называется теперь Художественным Театром имени Горького. Прославился этот театр прежде всего и больше всего Чеховым, – ведь даже и донныне на его занавесе чайка, но вот приказали присвоить ему имя Горького, автора лубочного и насквозь фальшивого “Дна”, и Станиславский с Немировичем покорно приняли это приказание, хотя когда-то Немирович торжественно, публично, во всеулышание всей Рос-

сии, сказал Чехову: “Это твой театр, Антон” [6, 175-176]. Интересно, что А. П. Чехов был причастен и к названию этого театра. Так, в письме к В. И. Немировичу-Данченко (6 янв. 1890 г.) он как бы мимоходом советовал: “Кстати: Художественный театр – это хорошее название, так бы и оставить следовало. А Художественно-общедоступный – это нехорошо звучит, как-то трехполнено” [2, VIII; 17].

Все это говорит о том, что великий писатель прекрасно ощущал себя в мире собственных имен. Он был способен выбирать в этом мире самые органичные и необходимые наименования для своих гениальных творений – произведениям и персонажам. Мир живых, реальных онимов давал ему широкие возможности как для выбора, так и для художественного конструирования онимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов М. П. Вокруг Чехова. М., 1980.
2. Чехов А. П. Полное собр. соч. и писем. Письма. – М., 1974–1983. – Т. 1-12. В ссылках номер тома обозначается римской цифрой, страницы – арабской.
3. Супрун В. И. А. П. Чехов и чехи / В. И. Супрун, Э. Мргачова. Поэтический мир Чехова. – Волгоград, 1985.
4. Бунин И. А. Собр. соч. в 9 т. / И. А. Бунин. – М., 1967. – Т. 9.
5. Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / И. А. Бунин. – М., 1998.
6. Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи / И. А. Бунин. – М., 1990.